

УДК 94(378(4-014)) (091)

**ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО РАВЕНСТВА В ПОЛИТИКЕ СЕЛЕКЦИИ
СТУДЕНЧЕСКОГО КОНТИНГЕНТА БОЛГАРИИ И ПОЛЬШИ (1948 – 1989)**

*канд. ист. наук, доц. О.В. ПЕТРОВСКАЯ
(Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина)*

Представлен компаративный анализ критериев селекции студенческого контингента, затрагивающих социальный статус абитуриента в Болгарии и Польше. Выясняются цели, особенности и последствия политики достижения социального равенства в доступе к высшему образованию в эпоху социализма 1948 – 1989 гг. Рассмотрены причины углубления неравенства образовательных возможностей.

С установлением в 1948 году монополии на власть коммунистических партий в Болгарии и Польше начала утверждаться новая модель эгалитаризма, соответствующая идеалам восточноевропейского социализма. В концепции достижения социального равенства образование занимало ключевые позиции, поскольку рассматривалось в качестве главного канала социального продвижения низших трудовых слоев. Вместе с тем, в отличие от других образовательных ступеней, доступ в высшую школу не стал свободным. Эффективность системы высшего образования, подчиненной потребностям «большого скачка» к постиндустриальному обществу, при ограниченных материальных ресурсах, прямо зависела от интеллектуальных и физических возможностей студенческого контингента. Следовательно, одной из главных задач политики селекции в вузы был подбор наиболее способных, усердных, амбициозных и здоровых молодых людей. В то же время потребности дестратификации общества и утверждения трудовой этики социализма поставили задачу превращения высшей школы в «эскалатор» социального и профессионального подъема рабочих и крестьян. Кроме того, предоставление образовательных привилегий ранее экономически и культурно отсталым группам населения должны были обеспечить массовую поддержку режима со стороны «новой» интеллигенции. Считалось, что студенческая молодежь, происходящая из рядов интеллигенции или предпринимателей, в большей степени подвержена воздействию со стороны реакционной, т.е. антисоциалистической буржуазной идеологии.

В результате критерий социальной принадлежности утвердился в качестве неотъемлемого компонента систем конкурсного отбора в болгарские и польские вузы. Однако значение его на разных этапах социалистической эпохи 1948 – 1989 годов изменялось. Не одинаковыми были и подходы в его применении в Болгарии и Польше.

Наибольшую роль в селекции молодежи в обеих странах социальный критерий играл на этапе 1948 – 1956 годов, который характеризовался максимальным сближением систем высшего образования Болгарии и Польши с советскими образцами. Доминирование социального критерия было обусловлено партийными директивами радикального изменения состава студенчества.

В документах V съезда Болгарской Коммунистической партии (1948) подчеркивалось, что студенты должны рекрутироваться «из сыновей и дочерей рабочего класса и трудящихся». В январе 1950 года было принято решение Политбюро ЦК БКП «О создании верной партии и народной власти социалистической интеллигенции», постановившее в 1950/51 учебном году принять в вузы 30 – 40 % молодых рабочих из среды ударников и рационализаторов производства [1, с. 154, 239]. В Польше установка на представительство привилегированных трудовых социальных групп в вузах была еще выше – 60 %. Этой цели целиком подчинялись концепции развития вузов, такие, например, как модель «университета рабочего города» ректора Лодзинского университета Й. Халасиньского [22, с. 36 – 37].

На обеспечение заданных пропорций была направлена сложная конкурсная процедура набора в вузы, в которой решающее значение имела субъективная оценка абитуриента приемными комиссиями и представителями министерств.

Для облегчения доступа в вузы рабочих и крестьян в обеих исследуемых странах использовался советский опыт подготовительных отделений. Предписание организовать специальные курсы в Софии, Варне и Пловдиве для тех представителей рабочих и крестьян, кто не имел среднего образования, за счет государства содержалось в решении Политбюро ЦК БКП «О создании верной партии и народной власти социалистической интеллигенции» 1950 года [1, с. 239]. В итоге в Болгарии прочно утвердилась система восьмимесячных стационарных подготовительных курсов для «лучших представителей рабоче-крестьянской молодежи» [10, с. 5].

В Польше в 1951 году вместо прозрачного для всех социальных групп нулевого года обучения (*studium wstępne*), организованного сразу после окончания второй мировой войны, были открыты двухгодичные подготовительные отделения (*studia przygotowawcze*) для тех, кто имел двухлетний стаж рабо-

ты в промышленности и сельском хозяйстве. Отделения были созданы в 6 университетах, 3 технических вузах, а также в Экономической академии в Катовицах и Высшей сельскохозяйственной школе в Ольштыне [29, 1951, № 48, poz. 335, s. 426; № 41, poz. 317, s. 387 – 388]. При оценке успехов слушателей большее значение имело соответствие мировоззрения социалистическим идеалам, нежели знания [45, s. 17]. Курсы приобрели массовый характер. Число учащихся в 1951 – 1953 годах достигало 1500 – 2500 человек ежегодно [35, s. 341].

Главной особенностью подготовительных отделений как в Болгарии, так и в Польше было то, что их выпускники получали право внеконкурсного зачисления в высшие учебные заведения.

Политика социального равенства в доступе к высшему образованию, понимаемая как расширение представительства в вузах женщин и мужчин из низших слоев и сокращения их для бывшей социальной верхушки, в 1948 – 1956 годах оказалась наиболее результативной. Следует учитывать, что ее успешной реализации и в Болгарии, и в Польше способствовали программы материальной помощи студентам. Так, в Польше, которая в этот период значительно опережала Болгарию по масштабам стипендиальной помощи, в 1954/55 учебном году 72,9 % имели возможность получать стипендии [41, s. 353]. В дальнейшем, вплоть до момента крушения социализма в 1989 году, вернуться к показателям первой половины 1950-х годов системе высшего образования Польши так и не удалось.

Кроме того, успеху рабочих и крестьян в достижении статуса студента способствовало то, что большого конкурса абитуриентов в условиях экспансии систем высшего образования в 1950-х годах не было, а политика репрессий в отношении «старой» интеллигенции достигла своего апогея. Реальные перспективы профессиональной карьеры и социального продвижения, традиционная высокая ценность образования в массовом крестьянском сознании предопределили устремленность новых привилегированных слоев в вузы.

В результате на рубеже 1940 – 1950-х годов демократизация социального состава студенчества стала очевидным фактом. В Болгарии в 1952/53 учебном году выходцы из рабочих и крестьян составляли 29,3 %, а в 1953/54 учебном году – 54,7 %* [15, с. 247]. В Польше уже в 1951 году 59,9 % студентов имело рабочее и крестьянское происхождение, а 19,9 % были выходцами из семей интеллигенции [26, s. 122]. Можно привести данные по отдельным польским вузам, свидетельствующие о резком изменении социального состава студенчества. В 1949 году в Лодзинском университете дети служащих составляли 24 %, рабочих – 22, крестьян – 18, ремесленников – 10, учителей – 7, лиц свободных профессий – 5 %. В 1951/52 учебном году лица рабоче-крестьянского происхождения в этом университете составляли 55 % [34, s. 45; 31, s. 9]. Существенно изменился социальный состав студентов оппозиционного Ягеллонского университета – в 1947/48 учебном году молодежь из рабочих и крестьян составила здесь 51 %, а из интеллигенции – 29 %. Наибольший удельный вес рабочих и крестьян за всю «социалистическую» историю университета был отмечен в 1952/53 учебном году, когда рабочие составили 30,8 %, а крестьяне – 26,7 % [36, s. 133].

Вместе с тем уже в конце 1950-х годов в польских вузах доля рабочих и крестьян среди студентов начала сокращаться. Представители этих социальных групп в 1957/58 учебном году составили 52,6 % студентов, а в первой половине 1960-х годов их доля в числе первокурсников снизилась до 43 – 44 % [43, s. 25; 39, s. 222]. Эти статистические данные свидетельствуют о роли, которую играло социальное происхождение при отборе в высшие учебные заведения. Дело в том, что после смены политического курса в октябре 1956 года в Польше, в отличие от Болгарии, была отторгнута открытая форма индивидуальной дискриминации абитуриентов по социальному признаку, которая ассоциировалась в сознании поляков с наиболее неприемлемыми элементами «сталинской» модели высшего образования. В конце 1950-х годов перестали действовать и подготовительные отделения. Вместе с тем социальные критерии при отборе в вузы сохранились, хотя значение их существенно снизилось. В частности, закон о высшем образовании 1958 года подтвердил положение о том, что в случае одинаковых результатов на вступительных экзаменах преимущества при поступлении имели дети передовиков производства, рационализаторов, работников промышленных предприятий, строительства и транспорта, членов сельских производственных кооперативов, учителей, технической и творческой интеллигенции [29, art. 45]. Таким образом, в Польше до середины 1960-х годов существенных преимуществ представители рабочих и крестьянских семей не имели.

Однако в 1965 году руководство системой образования, обеспокоенное снижением доли рабочих и крестьян в вузах, начало эксперимент по внедрению системы дополнительных баллов за социальное происхождение при прохождении конкурса. До 1968 года абитуриенты из семей рабочих и крестьян получали 3 дополнительных очка, затем балл за социальное происхождение был повышен до 5 [48, s. 254].

Эта система явилась реакцией на практику репетиторства, доступного в основном абитуриентам из семей интеллигенции больших городов. Очевидно, что она была дискриминационной по отношению к

* Рассчитано по [15].

детям из этих семей. Дополнительные пункты заметно облегчили доступ к высшему образованию выходцев из рабочих и крестьян. Например, во Вроцлавской экономической академии в 1970-х годах проходной балл составлял 14 – 16 очков. При сдаче экзаменов на удовлетворительные оценки абитуриент получал 9 баллов. Следовательно, дополнительные очки за социальное происхождение в этом вузе составляли 1/3 от суммы проходного балла [30, s. 96]. Как показали специальные исследования, дополнительные очки помогали поступить в вуз 20 – 30 % абитуриентам рабочего и крестьянского происхождения [8, s. 257]. Кроме того, в 1970-е годы, несмотря на введение дополнительных баллов, дети рабочих и крестьян сохранили преимущества при зачислении при равных с другими кандидатами результатах конкурса [20, с. 117 – 118].

Начиная с 1985/86 учебного года, применение дополнительных очков за социальное происхождение в Польше было ограничено, несмотря на то, что численность студентов из семей рабочих и крестьян стала уменьшаться. Этому решению министра науки и высшего образования предшествовал широкий опрос общественности о приеме в высшие школы, который организовал в 1984 г. Институт научной политики, технического прогресса и высшего образования. Пункты за социальное происхождение сохранились в качестве временной меры только на 16 специальностях общественно-политического характера (философия, журналистика, политические науки) и наиболее престижных направлениях обучения (экономика и организация внешней торговли, лечебные факультеты). Но одновременно была расширена категория кандидатов, которые при условии сдачи экзаменов на положительные оценки не подлежали продвижению дальнейшего конкурса [25, s. 208].

Таким образом, молодежь крестьянского и рабочего происхождения сохраняла свои преимущества при поступлении в польские вузы вплоть до начала 1990-х годов. В качестве примера можно привести Ягеллонский университет, приемная комиссия которого в 1987/88 учебном году имела вне рамок лимита 340 мест для кандидатов рабочего и крестьянского происхождения и других привилегированных групп [44, s. 212]. Дополнительные баллы за социальное происхождение были окончательно отменены в Польше в 1991/92 учебном году.

Методы и приемы, которыми пытались обеспечить расширенное представительство привилегированных социальных групп в вузах властные структуры Болгарии, отличались от польских. Преимущества при зачислении рабочие и крестьяне получали путем отведения для них определенного количества студенческих мест. При этом квота, которую резервировали болгарские правила приема в вузы для представителей рабочих и крестьянских семей, дифференцировалась в зависимости от времени и специальности. Например, в конце 1950-х годов им отводилось 20 % мест в сельскохозяйственных и технических вузах [13, с. 4]. В начале 1970-х годов в болгарских вузах была установлена квота в 10 % мест для детей рабочих на все специальности. Исключение составили вузы искусства, в которых для детей рабочих и крестьян выделялось 50 % мест. При этом были конкретизированы требования, предъявляемые к категории рабочих семей. Родители претендентов на льготы должны были обладать как минимум 10-летним рабочим стажем. Выходцы из крестьян в 1970-х годах могли претендовать на 10 % мест только в сельскохозяйственных вузах [4].

В 1980-х годах с перемещением акцента с социального происхождения абитуриентов на территориальное целевые привилегии в Болгарии за социальное происхождение упраздняются. Вместе с тем в Болгарии в отличие от Польши более прочные позиции в системе образования заняли подготовительные отделения, выпускники которых автоматически зачислялись в вуз. Главными критериями отбора на курсы была общественно-политическая и трудовая активность кандидата, который получал рекомендации бригад, цехов, комсомольских организаций и т.д. Кроме того, в 1980-х годах кандидатуры утверждались общинными народными советами [4, 1988, № 24, с. 4]. Наличие у претендентов минимум двухлетнего трудового стажа и возраста до 30 лет являлось обязательным требованием. Впрочем, со временем повысились требования и к интеллектуальному потенциалу слушателей. Так, в 1970-х годах требование к минимальному среднему баллу аттестата было повышено до 4,00 баллов (при шестибальной оценке знаний, принятой в Болгарии). Следует отметить, что к участникам подготовительных курсов предъявлялись большие требования в их будущей профессиональной деятельности, чем к обычным студентам. Так, в 1978 году было принято постановление Совета министров о необходимости отработать как минимум 5 лет в хозяйственной организации, которая выплачивала стипендии, или по направлению, тогда как для обычных студентов этот срок составлял 3 года [4, 1978, № 81, с. 907]. В 1984 году срок обязательной трудовой деятельности после окончания вуза для слушателей курсов был увеличен до 10 лет [4, 1984, № 10, с. 105]. Следовательно, поддерживая рабочих и крестьян, государство ориентировалось на них в решении проблем территориального распределения выпускников и мало учитывало их интересы. Подготовительные отделения в Болгарии продолжали действовать до конца 1980-х годов. Более того, расширились формы их организации за счет заочных и вечерних курсов [4, 1988, № 24, с. 2 – 6].

Потребность выравнивания шансов рабочей и крестьянской молодежи привела к идее реставрации подготовительных курсов в 1980-х годах и в польской системе высшего образования. Распоряжением

министра науки, высшего образования и техники с 1983 года были введены стационарные предварительно-подготовительные курсы, организуемые вузами, которые позволили замедлить снижение доли рабочих и крестьян в общем числе абитуриентов. В 1983/84 учебном году одномесячные подготовительные курсы прошли 30 000 человек. Однако они не имели ярко выраженного социального характера. Сначала курсы были доступны только для получивших направления от педагогических советов средних школ, принимавших во внимание материальные условия и культурную среду жизни абитуриента. Однако их популярность привела к тому, что с 1986 года на платной основе на курсы стали принимать всех желающих [23, s. 54].

В конце 1980-х годов появились новые формы подготовки абитуриентов из числа рабочей и крестьянской молодежи – организуемые отделами народного образования семинары, научные лагеря, а также трехнедельные подготовительные курсы в вузах. Но они оказались дорогими по стоимости для вузов, обременительными для преподавателей и мало полезными для абитуриентов [47, s. 419].

Фактор социального происхождения, учитывавший статус родителей, в политике селекции абитуриентов в обеих странах сочетался с социально-трудовым критерием статуса самого абитуриента. Очевидно, что в соответствии с трудовой этикой социализма привилегии получали труженики материального производства.

Дополнительные баллы за стаж работы в Польше были введены в 1960-е годы [30, s. 91]. Для лиц физического труда, которые непосредственно перед поступлением в вуз имели стаж практической работы не менее двух лет, предусматривалось 3 дополнительных балла, а поступающие с двухлетним стажем непрерывной работы иного характера получали 2 балла.

Лица с трудовым стажем (минимум два года) наряду с рационализаторами и ударниками производства пользовались преимуществами при поступлении и в Болгарии. При этом «трудовые» льготы в Болгарии дифференцировались в зависимости от специальности. В 1960-х годах на такие направления обучения, как журналистика, философия, политэкономия, право двухгодичный трудовой стаж был обязательным условием приема [12, с. 3 – 4; 11, с. 22 – 23].

С течением времени такой критерий, как трудовая подготовка, стал оказывать меньшее влияние на результаты зачисления в болгарские вузы, но тем не менее сохранялся. Так, если в 1960-е годы лицам с трудовым стажем отводилось не менее 50 % мест при наборе, то в 1980-е уже только 10 % мест. Данную тенденцию можно объяснить тем, что в 1974 году было принято Постановление Совета министров «Об обеспечении работой или профессиональной подготовкой молодежи, которая не работает и не учится» [4, 1975, № 8, с. 3 – 4]. Результатом борьбы с тунеядством стало включение в правила приема в 1974 году нового положения о том, что все абитуриенты, кроме окончивших гимназии в год поступления, должны были иметь непрерывный трудовой стаж [4, 1975, № 23, с. 4]. В итоге на общем фоне социалистических стран Болгария выделялась относительно высоким удельным весом студентов с трудовым стажем. Так, исследования конца 1970-х годов показали, что 10,3 % студентов работали до поступления в вуз в качестве рабочих, 0,4 – колхозников, 10 % – служащих [8, с. 24]. Однако, как видно, характер труда абитуриентов не отвечал утвержденным государственным приоритетам. По мере ослабления внимания к выполнению болгарскими всеобщей трудовой повинности в 1980-х годах количество мест для абитуриентов со стажем вновь стало увеличиваться. Так, в 1984 году для этой категории поступающих было зарезервировано 15 % мест. Но теперь льготы могли получить только лица, отработавшие в материальном производстве и сельском хозяйстве в качестве рабочих [4, 1984, № 10, с. 103]. Такой подход, с одной стороны, способствовал улучшению показателей социальной структуры студенчества, с другой – позволял удовлетворять острые потребности в неквалифицированной рабочей силе.

Двухлетний стаж работы был необходимым условием при поступлении на отделения обучения без отрыва от производства и в Болгарии, и Польше. В 1960 – 1970-х годах студентами вечерних или заочных отделений учебных заведений в обеих странах могли быть только трудящиеся, получившие направление с места работы. Кроме того, если студент-заочник в Болгарии оставлял работу, он терял право и на обучение в вузе [6, с. 85]. Кандидатов для заочных форм обучения отбирали, как правило, из числа передовиков и активистов в производственных коллективах, а на педагогические специальности в окружных народных советах [12, с. 23].

В Польше, на технических факультетах, требовалось полное соответствие характера производственного труда избранной специальности. Такой подход позволял составлять учебные программы вузов для работающих студентов с учетом того, что значительный объем знаний они приобретают в процессе трудовой деятельности на производстве.

Таким образом, критерии социальной принадлежности в процессе формирования студенческого контингента учитывались на протяжении всего исследуемого периода. Но результаты политики целенаправленного социального выравнивания студенческого контингента были далеки от ожидаемых.

Система дополнительных пунктов за социальное происхождение, введенная в 1965 году в Польше, позволила увеличить представительство рабочих и крестьян в вузах. Особенно заметным данный факт стал после введения 5 дополнительных пунктов в 1968 году. Как показали исследования, проведенные во

Вроцлавской экономической академии, уже в 1968 году среди первокурсников было 52,1 % студентов из рабочих семей, 16,5 % – крестьянских, и только 31,4 % – из семей интеллигенции, против 37,4 %, 14,1 %, 48,5 % в 1967/68 учебном году. Еще более впечатляющими были результаты применения социальных критериев отбора в Лодзинском «университете рабочего города». В этом вузе доля рабочих и крестьян выросла с 45 – 48 % в 1960-х годах до 75 % в 1970/71 учебном году. По имеющимся подсчетам, во Вроцлавской экономической академии дополнительные баллы с 1963 по 1975 год увеличили представительство рабочих и крестьян на 40 %. Но удельный вес крестьянской молодежи к 1975 году снизился до 9,5 % [30, s. 95, 97; 31, s. 9].

Аналогичные тенденции были характерны для всей системы высшего образования Польши. Так, удельный вес рабочей молодежи в числе первокурсников в 1978/79 учебном году достиг 38 % [40, s. 180]. Как выяснила польский социолог А. Косьмидер, наибольший удельный вес среди выпускников рабочего происхождения имели лица, которые родились в 1940 – 1949 годах [33, s. 340]. Однако, в отличие от рабочих, падение доли крестьян остановить не удалось. С 1961 по 1981 год удельный вес крестьян снизился на 10,6 %. В 1980/81 учебном году доля принятых на первый курс лиц крестьянского происхождения составила 7,6 % (14,5 тыс. из 59 тыс. первокурсников). Представительство крестьянской молодежи на первом курсе в начале 1980-х годов в Польше было в 3 раза меньше, чем удельный вес этой социальной группы в обществе [48, s. 252, 254].

В целом введение дополнительных пунктов в Польше лишь незначительно приостановило сокращение удельного веса молодежи рабочего и крестьянского происхождения среди студентов, вызвав недовольство интеллигенции. В 1970-е годы тенденция спада студентов из этих социальных групп продолжилась, о чем можно судить по следующим данным: в 1973/74 учебном году студентом становился каждый 6 – 7-й ребенок из рабочей семьи, каждый 9-й – из крестьянской, и каждый 2 – 3-й – из семьи интеллигенции. В 1983/84 учебном году уже только каждый 11-й ребенок из рабочей, и каждый 23-й из крестьянской семьи могли стать студентами. В то же время шансы детей из семей интеллигенции не уменьшились [26, s. 122]. Таким образом, была очевидна тенденция к замыканию общественной структуры и снижению образовательной мобильности для рабочих и крестьян.

В Болгарии доля рабочих и крестьян в вузах увеличивалась до 1964/65 учебного года. В этом году их удельный вес составил 60,9 %* [14, с. 354]. После чего совокупная доля этих групп населения начала уменьшаться, тогда как процент служащих и их детей в социальном составе студенчества непрерывно возрастал. При этом доля представителей рабочего класса в 1970-е годы стабилизировалась на уровне 34 % [2, с. 67]. Но доля детей из крестьянских семей среди студенчества обнаруживает тенденцию к снижению еще с начала 1960-х годов. Максимального значения она достигла в 1960/61 учебном году – 32 %. Именно за счет крестьянства увеличивалась доля служащих, достигшая к концу 1970-х годов более 70 %. В 1975/76 учебном году студенты крестьянского происхождения в болгарских вузах составляли только 7 %. В вузах интенсивно уменьшалось представительство не только лиц, занятых крестьянским трудом физического характера, но и жителей сельской местности в целом. В конце 1970-х годов в процессе социологического опроса только 11,7 % студентов назвали сельскую местность местом проживания до поступления в вуз. В значительной мере данная тенденция, как и в Польше, объясняется сокращением доли крестьянства в общей численности населения Болгарии. Следует учитывать, что процессы урбанизации в Болгарии на фоне Восточной Европы отличались особенно быстрыми темпами. Однако доля сельского населения страны составляла в это время 40,1 % [8, с. 61]. Данный факт подтверждает смещение равенства образовательных возможностей в социально-территориальную плоскость.

Таким образом, постепенное сужение образовательных возможностей в системе высшей школы было характерно как для Болгарии, так и для Польши. Данная тенденция, с одной стороны, была обусловлена снижением интереса к высшему образованию в семьях рабочих и крестьян, связанных с ограничением экономических, профессиональных и социальных перспектив для квалифицированных специалистов; с другой стороны, мощным давлением на систему высшего образования со стороны молодежи из ширившегося круга семей работников умственного труда. Снижение конкурентоспособности рабочих и крестьян в вузовском конкурсе становилось особенно заметным на фоне общего сокращения мест в высших учебных заведениях.

Вместе с тем, во многом благодаря правовой дискриминации одних групп населения за счет других в селекции абитуриентов, высшая школа сохраняла проницаемость для разных социальных слоев и, следовательно, оставалась каналом социальной мобильности для рабочих и крестьян до конца 1980-х годов. Но обеспечение условий для массового образовательного восхождения не означало равенства в профессиональном выборе.

Наиболее доступными для рабочих и крестьян Польши оказались педагогические, экономические и сельскохозяйственные вузы. В 1974 году удельный вес рабочих и крестьян в педагогических вузах составлял 53,4 % при среднем показателе по стране 41,8 % [5, с. 83]. В то же время удельный вес выпуск-

* Рассчитано по [14].

ников рабочего и крестьянского происхождения медицинских академий в Польше в 1945 – 1973 годах составил 44,4 %, университетов – 52,8, вузов искусств – 32,2 % [21, s. 33]. В университетах больше всего представителей этих социальных групп в конце 1950-х годов было на таких невостребованных специальностях, как «история» и «математика». При этом рабочие ориентировались на технические и экономические специальности, а крестьяне на педагогические и сельскохозяйственные. В политехнических институтах в 1958 году основная масса студентов трудового происхождения была сконцентрирована на направлениях обучения, связанных с металлургией (62,4 %) и горным делом (65,4 %) [24, s. 50]. Следовательно, важную роль в воспроизводстве профессионального неравенства продолжали играть семейные традиции. Наследование профессии было заметным явлением в Польше. В 1976 году у 80 % студентов первого курса Силезского политехнического института родители работали в промышленности. При этом в горной промышленности работали родители у 36 % студентов, а 18 % обучающихся были из династий шахтеров [46, s. 64]. Как правило, профессию родителей наследовали дети учителей, врачей, актеров [27, s. 60]. В системе конкурсного отбора поддерживалось наследование семейных профессиональных традиций. Такой подход создавал дополнительные предпосылки для концентрации детей из семей интеллигенции на наиболее престижных специальностях.

Не менее отчетливо зависимость распределения студентов по направлениям обучения и социального положения абитуриента прослеживается в Болгарии. Так, согласно социологическим исследованиям 1977 года за счет работников умственного труда в наибольшей степени формировался медицинский отряд студенчества, а в наименьшей – сельскохозяйственный. У первокурсников медицинских институтов 73,1 % отцов и 68,7 % матерей относились к категории работников умственного труда. В сельскохозяйственных вузах эти показатели составили соответственно 51,3 % и 40,7 %. Из 5 стран Восточной Европы в Болгарии на рубеже 1970 – 1980-х годов выходцы из села имели наименьшие шансы попасть в медицинские институты. Напротив, на педагогических специальностях только 14 % студентов получили среднее образование в крупных городах [8, с. 68 – 69, 72]. Следовательно, они формировались за счет выходцев из малых городов и сельской местности. Представители рабочей среды больше ориентировались на технические вузы. Например, в Варненском машинно-электротехническом институте на дневном отделении в 1975/76 учебном году училось 43,4 % студентов из рабочих семей при среднем показателе по стране 34 % [3].

Следует обратить внимание и на тот факт, что более доступными для лиц рабочего и крестьянского происхождения были заочные и вечерние отделения. Удельный вес крестьян на заочных отделениях польских вузов в первой половине 1970-х годов был в три раза выше, а рабочих на вечерних отделениях в два раза выше, чем на дневных. Несмотря на то, что соотношение удельного веса разных социальных групп на отдельных формах обучения изменялось во времени, доля студентов из семей рабочих и крестьян на вечерних и заочных отделениях всегда была больше, чем на дневных отделениях. До середины 1980-х годов студенты рабочего происхождения доминировали среди учащихся вечерних отделений. Крестьяне больше ориентировались на заочное образование.

На заочных отделениях совокупная доля крестьян и рабочих при тенденции к снижению составляла в 1960 – 1970-х годах более 70 %, а в 1980-х – более 60 %. В то же время на дневных отделениях более 50 % составляли выходцы из семей работников умственного труда. В 1971/72 учебном году среди поступивших на первый курс польских вузов рабочие составляли на дневных отделениях 29,8 %, на заочных – 47,5 %, на вечерних – 61,1 %. Доля крестьян была соответственно 3, 29,7 и 13 %* [39, s. 222]. В целом выходцы из рабочих и крестьян среди выпускников отделений обучения без отрыва от производства польских вузов в 1945 – 1973 годах достигли 77,4 %, что свидетельствует о непопулярности этих форм обучения среди работников умственного труда [21, s. 33]. Следует учитывать и то, что количество направлений обучения, на которых были открыты отделения обучения без отрыва от производства, было ограничено.

По сути дела, социальная структура первокурсников отделений для работающих была более адекватна социальной структуре общества, чем на дневных отделениях. Стабильно высокий удельный вес рабочих и крестьян на отделениях для работающих на протяжении всего исследуемого сорокалетнего периода свидетельствует о том, что эти отделения способствовали реализации образовательных устремлений социальных групп, недостаточно представленных на дневных отделениях вузов. Однако очевидно, что такой путь общественного продвижения, сочетающий работу и учебу, был более сложным, требовал большего напряжения сил, но давал менее качественное образование.

Следует отметить, что в политике селекции молодежи на этапе перехода от средней школы к высшей в Болгарии и Польше действовали и другие принципы социальной дифференциации, не связанные с

* Рассчитано по [39].

отношением к труду и средствам производства. При этом по мере общественного прогресса одни из них утрачивали свое значение, другие, наоборот, начинали играть более значимую роль.

Например, с первых послевоенных лет в Болгарии были определены привилегии для особой категории «антифашистской молодежи», которые не только стали пожизненными, но и в ряде случаев передавались по наследству. Так, начиная с 1959 – 1960 годов и до конца 1980-х 10 % мест на все специальности отводилось абитуриентам из бывших партизан, узникам концлагерей, активным борцам против фашизма и капитализма и их детям. При этом если сразу после войны можно было установить, кто был партизаном, а кто политзаключенным, то в последующие годы стремление к получению льгот привело к распространению, по выражению болгарской исследовательницы В. Чичовской, «революционной автобиографической беллетристики» [18, с. 92].

В политике формирования студенческого контингента в Болгарии и Польше прослеживается внимание к территориальному критерию, который включал в себя как регион проживания абитуриента, так и величину, и значение населенного пункта. Причем по мере снижения роли социально-экономического и усиления социокультурного неравенства влияние территориального фактора доступа к высшему образованию возрастает.

В Болгарии, начиная с 1950-х годов, правила приема предусматривали определенное количество мест на медицинских, ветеринарных, лесотехнических и сельскохозяйственных факультетах для жителей отсталых в экономическом отношении округов: Кырджалийского, Разградского, Силистринского, Хасковского, Ямболовского и других [4, 1966, № 25, с. 2 – 3]. При этом с течением времени количество привилегированных округов сокращалось. В 1959/60 учебном году были введены льготы для абитуриентов турецкой национальности, поступающих на медицинские и педагогические специальности, а также для болгар-мусульман, поступающих на технические специальности [7, с. 2]. В 1966 году 80 % мест в Болгарской государственной консерватории было выделено для абитуриентов из провинции. А в 1972/73 учебном году 60 % мест в столичных вузах были предоставлены жителям, проживающим за пределами Софии [4, 1966, № 25, с. 2; 1972, № 33, с. 3].

Однако главная задача, которую решало болгарское руководство в процессе предоставления льгот при поступлении в вузы жителям провинциальных регионов, заключалась в преодолении региональных диспропорций в образовательном уровне населения и насыщении квалифицированными кадрами провинции. В связи с этим выбор вуза и специальности для жителей провинциальных районов жестко ограничивался. Места для представителей регионов резервировались в вузах с учетом дефицита кадров по отдельным специальностям. Кроме того, например, жители Бургаского, Кырджалийского, Смолянского и Хасковского округов пользовались преимуществом только при поступлении в Пловдивский медицинский институт, но не имели льгот при поступлении в Софийский или Варненский медицинские институты [12, с. 6 – 7]. С 1975 года абитуриенты медицинских вузов были полностью лишены права выбора высшего учебного заведения, т.е. поступать в мединституты можно было только по месту жительства. Кроме того, 80 % мест на педагогические и сельскохозяйственные направления обучения предоставлялись исключительно жителям данного округа [4, 1976, № 20, с. 3 – 4]. Таким образом, в Болгарии складывалось своеобразное образовательное гетто. Молодежь ограничивалась в праве территориального выбора вуза.

Стремление обеспечить потребности отдельных районов и отраслей промышленности в кадрах особенно отчетливо проявилось к концу 1980-х годов. В 1985 – 1987 годах был принят целый ряд постановлений о развитии округов. В результате условием получения льготного регионального места (10 % всех мест в вузах) стало заключение договора с потребителем о будущей работе по специальности в течение 10 лет. Согласно правилам приема 1988 года первыми претендентами на получение целевых плановых мест в вузах были жители общины, испытывавшей дефицит кадров. Только в случае их недостатка на эти места могли претендовать жители данной области [4, 1988, № 14, с. 4].

Территориальный критерий оценки абитуриента учитывался и при отборе в вузы в Польше. Но в этой стране, где, в отличие от Болгарии, не утвердилась жесткая система распределения выпускников, целью региональных льгот были несколько иные мотивы. Так, в 1948 году, при прочих равных условиях, преимуществами при зачислении пользовались абитуриенты с возвращенных земель [42, с. 9]. С 1982/83 учебного года в сельскохозяйственных академиях освобождались от участия в дальнейшем конкурсе и автоматически зачислялись в вуз абитуриенты из деревень и малых городов (до 5000 жителей), получившие положительные оценки на вступительных экзаменах [32, с. 19]. В 1984/85 учебном году такие же правила были введены в педагогических вузах. Таким образом, прослеживается стремление уравнивать шансы молодежи из крупных городов и деревень, имевшей разные условия стартового образовательного развития. Однако ограниченный круг специальностей свидетельствует, что параллельно в Польше, так же как и в Болгарии, решалась задача насыщения кадрами непрестижных профессиональных направлений.

Таким образом, при неослабевающих попытках властных структур выровнять шансы в доступе к высшему образованию путем предоставления преимуществ одним социальным группам за счет ущемления прав других престижные с точки зрения общественных приоритетов специальности и формы обуче-

ния оставались мало доступными для получивших государственные привилегии трудовых и территориальных социальных групп.

Расширение образовательных устремлений молодежи в Болгарии и Польше опережало потребности государства в кадрах специалистов. Несоответствие спроса молодежи на высшее образование и предлагаемых вузами мест для абитуриентов превратило доступ в вузы в острую социальную проблему. Необходимость выбора наиболее достойных из числа желающих учиться в вузах заведомо предопределяла наличие социальной несправедливости. Сложившаяся система льгот в селекции абитуриентов в обеих странах не устраняла неравенства в доступе в высшую школу, нарушала принцип равных возможностей и вела к социальной напряженности.

Очевидно, что при несовпадении государственных и общественных предпочтений профессиональных направлений обучения на некоторых специальностях прием студентов, пользующихся льготами, значительно ограничивал доступ в вузы абитуриентов, поступающих на общих основаниях. Так, в Пловдивском медицинском институте удельный вес льготников в 1967 году составлял 29 %, Софийском медицинском институте – 26, Сельскохозяйственном институте в Пловдиве – 16 % [17, оп. 3, е.х. 44, л. 9]. Такое положение создавало почву для социального недовольства. В конце 1960-х годов академической общественностью Болгарии был поставлен вопрос о необходимости введения минимального балла для льготников, отмены приема по «ходатайству» сверх положенного планом числа и по спискам министерства [16; 19].

Движение против утвердившейся системы приема в вузы в Польше наибольшего размаха достигло к началу 1980-х годов. Были выдвинуты требования расширения доступности высшего образования, демократизации приема, ликвидации «ректорских мест», устранения преимуществ для поступающих с «рабочим стажем», ликвидации отбора среди тех, кто успешно сдал экзамены. Осенью 1981 года в Кракове, Варшаве, Белостоке, Вроцлаве, Радоме абитуриенты, успешно сдавшие экзамены, но не прошедшие по конкурсу, блокировали на несколько недель здания вузов [9, с. 69]. Социологические исследования второй половины 1980-х годов показали, что 73 % абитуриентов, поступающих в вузы, разделяли мнение о необходимости открытого доступа к высшему образованию, поскольку каждый имеет право учиться в вузе. Тот факт, что сдавшие успешно экзамены не проходят по конкурсу, по их мнению, считался несправедливым и недемократичным [37, с. 42].

Под давлением общественного мнения и напором абитуриентов происходила корректировка централизованно определяемых планов набора в вузы. Польские вузы часто нарушали установленный план приема. Например, во Вроцлавском университете в 1957/58 учебном году начали учиться 727 студентов при лимите 550 мест, т.е. на 1/3 больше, а в 1967/68 и в 1985/86 учебных годах под напором абитуриентов превышение лимита достигало рекордных показателей – 71 % [47, с. 198, 254, 401]. В Познаньском университете им. А. Мицкевича в 1965/66 учебном году на дневных отделениях училось 4694 студента, вместо запланированных 4495, а в 1968/69 учебном году 5939 вместо 5736 [28, с. 638]. В то же время, если на дневные отделения вузов план приема постоянно перевыполнялся, то на вечерние и заочные недовыполнялся. Так, в 1965/66 учебном году прием на вечерние отделения в Польше составил 96,0 % определенных министерством мест, а в 1966/67 учебном году – 90,2 % [38, с. 422].

Аналогичная ситуация прослеживалась и в Болгарии – в 1971/72 учебном году прием на дневные отделения болгарских вузов составил 105,2 % от плана, на заочные – 95,5, а на вечерние – 91,3 %. Значительно различались показатели выполнения плана приема по направлениям обучения. На специальность «Право» дневных отделений болгарских вузов на первый курс в этом году было принято 150,2 % от предполагаемого числа студентов, а на специальность «Физическое воспитание» – 142,5 %. В то же время не был выполнен план набора по всем формам обучения на инженерно-технических специальностях [17, оп. 3, е.х. 31, л. 2].

Таким образом, демократизация доступа к образованию, в том числе и высшему, явилась одним из значимых достижений новой общественной системы, начавшей формироваться после второй мировой войны в Болгарии и Польше. Образование, которое приобрело всеобщий, массовый характер стало важным фактором эгалитаризации. Опыт социального продвижения через высшую школу нижних «трудовых» слоев первого послевоенного поколения, занявших привилегированные позиции в общественной структуре, привел к утверждению в массовом сознании убеждений о «равных возможностях» разных социальных групп. Действительно, монополия на высшие ступени образования социальной верхушки была разрушена. А рабочие и крестьяне к началу 1960-х годов добились если не доминирующих, то равных позиций в социальной структуре студенчества обеих исследуемых стран.

Однако по мере насыщения и даже перенасыщения общества высококвалифицированными кадрами высшее образование из инструмента выравнивания социальной структуры стало превращаться в средство передачи социального неравенства. Высшая школа стала все больше использоваться как средство сохранения социального статуса. Социальное происхождение постепенно утрачивало роль детерминанты общественного неравенства. Однако появились другие факторы, которые стали определять доступ

к высшему образованию: место проживания, культурный и образовательный уровень, характер труда и позиции в иерархии управления родителей.

В целом, во многом благодаря целенаправленной политике индивидуальной дискриминации в процессе отбора в вузы, высшая школа не трансформировалась в замкнутую элитарную структуру самовоспроизводства интеллигенции. Однако вектор общественного неравенства в призме высшего образования отчетливо смещался в сторону социально-профессиональных диспропорций. Болгарской и польской интеллигенции удалось не только сохранить, но и расширить позиции в передаче по наследству образовательных преимуществ. Интеллектуальная и политическая элита прочно зарезервировала за собой наиболее престижные направления обучения с гарантией высокого качества на дневных отделениях, оставив сельскохозяйственные и учительские специальности заочной и вечерней форм обучения низшим социальным слоям.

Вместе с тем политика открытой дискриминации социальных групп, которые не получили льгот в доступе к высшему образованию, нарушала права человека и провоцировала недовольство режимом у становившегося все более многочисленным среднего класса Болгарии и Польши.

ЛИТЕРАТУРА

1. Българската комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите, конференциите, пленумите и политбюро на ЦК. Т 4. – София: Изд-во на БКП, 1955. – 546 с.
2. Висше и полувисше образование. – София^ Комитет по една система за социална информация при Министерския Съвет, 1983. – 76 с.
3. Държавен архив – Варна. Република България. Ф. 789, оп. 3, е.х. 78. л.
4. Държавен вестник. Официален орган на Народното Събрание. – София.
5. Жор А. Система подготовки и повышения квалификации учителей в вузах ПНР // Современная высшая школа. – 1976. – № 4. – С. 77 – 91.
6. Закон за висшето образование // Наука и висше образование. Законы, указы, постановления, распоряжения, правилници, инструкции и др. – София: Наука и искусство, 1961. – С. 67 – 72.
7. Министерството на просветата и културата. Наредба за приемане на студенти във висшите учебни заведения за учебната 1959/1960 година // Известия на Президиума на Народното Събрание. Народна Република България. – 1959. – 12 май. – № 38. – С. 1 – 5.
8. Молодежь и высшее образование в социалистических странах / Отв. ред. Ф.Р. Филиппов, П.Э. Митев. – М.: Наука, 1984. – 142 с.
9. Петровская О.В. Польское студенчество в 1980 – 1981 гг. // Молодежь в изменяющемся мире. – Брест: БрГПИ им. А.С. Пушкина, 1992. – С. 68 – 71.
10. Справочник за кандидат-студента за учебната 1951 – 1952 година. – София: Наука и искусство, 1951. – 150 с.
11. Справочник за кандидат-студенти. 1980 – 1981. – София: Наука и искусство, 1980. – 336 с.
12. Справочник на кандидат-студентите за висшите учебни заведения (1963 – 1964 г.). – София: Наука и искусство, 1963. – 94 с.
13. Справочник на кандидат-студентите за висшите учебни заведения за учебната 1958/1959 година. – София: Формуляри и регистри, 1958. – 128 с.
14. Статистически годишник на Народна Република България. – София: Държавно управление за информация при Министерския съвет, 1969. – 19 с.
15. Статистически годишник на Народна Република България. – София: Централно статистическо управление при Министерския съвет, 1959. – 350 с.
16. Целесъобразни изменения и допълнения в наредба за приемане на нови студенти // Проблеми на висшето образование. – 1967. – № 1. – С. 24 – 33.
17. Централен държавен архив на Република България. Ф. 517.
18. Чичовска В. Политиката срещу просветната традиция. – София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 1995. – 457 с.
19. Янев Л. Предложения за изменения в Наредбата за приемане на студенти във ВУЗ // Проблеми на висшето образование. – 1965. № – С. 55 – 59.
20. Янушкевич Фр. Жор А. Комплектование вузов Польши студенческим составом, проблемы и некоторые решения // Современная высшая школа. – 1974. – № 3. – С. 115 – 127.
21. Absolwenci szkół wyższych w XXX-leciu Polski Ludowej. – Warszawa: Główny urząd statystyczny, 1974. – 92 s.
22. Chałasiński J. O socjalistyczną ideę uniwersytetu. – Łódź: Łódzkie Towarzystwo naukowe, 1951. – 39 s.
23. Ciekotowa K., Jasiński R. Rekrutacja i kwalifikowanie na studia a efektywność systemu edukacyjnego. – Warszawa-Łódź: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1990. – 279 s.

24. Czyżyk K. Wyniki doboru kandydatów na I rok studiów wyższych w 1958 r. // *Życie Szkoły Wyższej*. – 1958. – № 10. – S. 44 – 50.
25. Doskonalenie systemu rekrutacji na studia wyższe / Pod redakcją naukową Januszkiewicza F. – Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1988. – 215 s.
26. Dragan A. O sytuacji w środowisku studenckim i zadaniach ZSP // *Nowe drogi*. – 1987. – № 11 (462). – S. 116 – 128.
27. Duraj-Nowlakowa K., Kosek B. Motywy wyboru kierunku studiów i aspiracje zawodowe // *Życie Szkoły Wyższej*. – 1977. – № 4. – S. 59 – 66.
28. Dzieje Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza 1919 – 1969. – Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, 1972. – 778 s.
29. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej Ludowej. – Warszawa.
30. Gruszczyńska J., Kubiak U., Rongiers G. System rekrutacji a skład społeczny studentów // *Życie Szkoły Wyższej*. – 1977. – № 6. – S. 91 – 99.
31. Informator o organizacji i trybie studiów w Uniwersytecie Łódzkim. – Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1970. – 47 s.
32. Kluczyński J. Szkolnictwo wyższe w czterdziestolecu Polski Ludowej. – Warszawa—Kraków: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1986. – 103 s.
33. Kośmider A. Rola cech społeczno-demograficznych w procie selekcji do zawodu pracownika naukowego // *Studia socjologiczne*. – 1985. – № 3-4. – S. – 337-351.
34. Kotarbiński T. Pierwsze czterolecie Uniwersytetu Łódzkiego // *Materiały do dziejów Uniwersytetu Łódzkiego (1945 – 1950)*. – T.1. – Łódź: Uniwersytet Łódzki, 1952. – S. 39-66.
35. Krasiewicz B. Odbudowa szkolnictwa wyższego w Polsce Ludowej w latach 1944—1948. – Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1976. – 373 s.
36. Kronika Uniwersytetu Jagiellońskiego za lata akademickie 1945/1946 – 1955/1956. – Kraków: Państwowe wydawnictwo naukowe. Oddział w Krakowie, 1971. – 208 s.
37. Najduchowska H. Aspiracje maturzystów do wyższego wykształcenia // *Studenci w Polsce i w Niemieckiej Republice Demokratycznej w świetle badań socjologicznych*. — Warszawa – Łódź, Państwowe wydawnictwo naukowe, 1987. – S. 39 – 43.
38. Rocznik statystyczny szkolnictwa 1944/45 – 1966/67. Warszawa: Główny urząd statystyczny Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej. – Warszawa 1967. – 557 s.
39. Rocznik statystyczny szkolnictwa 1972/73. – Warszawa: Główny urząd statystyczny, 1973. – 333 s.
40. Rocznik statystyczny szkolnictwa 1978/79. – Warszawa: Główny urząd statystyczny. 1979. – 234 s.
41. Rocznik statystyczny. 1956. Warszawa: Główny urząd statystyczny Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej, 1956. – 476 s.
42. Rozporządzenie Ministra Oświaty z dnia 19 maja 1948 r. Nr. IV R-3762/48 o trybie postępowania przy przyjmowaniu kandydatów na I rok studiów do państwowych szkół wyższych na rok szkolny 1948/49 // *Spis wykładów Uniwersytetu Jagiellońskiego w Krakowie. Rok akademicki 1948/49*. – Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1948. – S. 7 – 10.
43. Sidorcuk B., Flużański T. Trudna rzeczywistość — i środki poprawy // *Życie Szkoły Wyższej*. – 1958. – № 10. – S. 23 – 31.
44. Stopka K., Banach A. K., Dybiec J. Dzieje Uniwersytetu Jagiellońskiego. – Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2000. – 242 s.
45. Suleja T. Uniwersytet Wrocławski w okresie centralizmu stalinowskiego 1950 – 1955. – Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1995. – 322 s.
46. Więcek J. Tradycje zawodowe środowiska rodzinnego studentów I roku Wydziału Górniczego Politechniki Śląskiej // *Życie Szkoły Wyższej*. – 1979. – № 1. – S. 63 – 70.
47. Wrześniński W. Uniwersytet Wrocławski: 1945 – 1995. – Wrocław: Wydawnictwo Leopoldinum, 1995. – 539 s.
48. Zalewski J. Droga młodzieży do studiów wyższych // *Uczelnia na miarę współczesności*. – Poznań: Wydawnictwo naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, 1983. – S. 251 – 265.